

Вэй Ле, ведя пленных, с помпой въехал в город как раз в тот момент, когда Гу Тин спускался с городской стены.

— Ё-моё! — у Вэй Ле глаза на лоб полезли, а меч с плеча чуть не свалился ему на ногу. Что за небесная красавица! Алые одежды, чёрные волосы, кожа — будто снег и нефрит, талия — впору обхватить, даже пальцы изящные до невозможности. Этот господин ну о-о-очень хорош собой! Он, конечно, и раньше тайком поглядывал на Гу Тина и знал, что тот не дурён лицом, но не подозревал, что в полном облачении он окажется таким ослепительным!

— Быстро — ты! — Вэй Ле резко ткнул пальцем в высокого тощего солдата из середины колонны. — Да, ты! Ты же рисовать учился? Немедленно запомни, как выглядит этот господин, и нарисуй его портрет нашему князю!

Солдат смотрел в полном недоумении:

— Ко-кому послать? — Если он не ослышался, командир сказал «князю»?

Вэй Ле стукнул его по голове:

— Уши заложило? Князю! Нашему князю! — Цокая языком, добавил:

— Жалко, князь такую красоту пропускает!

Заметив, что Гу Тин приближается, Вэй Ле отшвырнул подчинённого и сделал вид, будто ничего не происходило:

— Это ты на стене с врагами препирался? Я видел, молодец, умнее иного деревяшки играешь!

Деревяшки? Кого?

Гу Тин не был с ним знаком и смотрел с недоумением:

— Вы — ?

Вэй Ле тут же вытянулся в струнку:

— Вэй Ле! Княжеский воин!

А, это он. Гу Тин кивнул:

— Командир авангарда армии Стража Севера? — Один из четырёх генералов при Хо Яне, в прошлой жизни рано погиб — не дожил до этих праздников фонарей.

Вэй Ле оживился:

— Князь обо мне говорил?

— Нет, — Гу Тин посмотрел на него с лёгким удивлением. — Разве ты не должен быть с Хо Янем на границе? Почему не в войсках?

При этих словах Вэй Ле чуть не расплакался:

— Вот именно, господин Гу! Брат Гу! Напиши ты князю письмо, пусть меня обратно в армию вернёт, а? Я же авангардный, привык впереди всех рубиться, а эта городская оборона — дело

лысого Фаня, он в центре стоит, надёжный, пусть бы он и пришёл!

Гу Тин покраснел до кончиков ушей и, не меняя выражения лица, отвернулся:

— Дела вашего князя ко мне какое отношение имеют? Спросите у него сами.

Вэй Ле скулил:

— Да я ж если спрошу — мне же палками всыпят...

Он было шагнул за Гу Тином, но его схватили за шиворот. Вэй Ле прищурился, занёс руку для удара, но, разглядев лицо, мгновенно скис:

— Ой, наставник Линь, это вы!

Наставник Линь улыбался исключительно «доброжелательно»:

— Не хотел меня видеть, а?

— Нет-нет, ни в коем случае! — Вэй Ле замотал головой, как болванчик.

Наставник Линь:

— Не хочешь со мной разбирать последствия?

Вэй Ле продолжил мотать головой:

— Нет-нет, хочу!

Наставник Линь:

— Не хочешь князя слушаться?

Вэй Ле глубоко вдохнул, едва не разревевшись:

— Я же просто с господином Гу пошутил, я не против приказов...

— Ну тогда давай, пошутить со мной, мне как раз скучно.

Человек только что устал, весь от смущения раскраснелся, а ты ещё пристаёшь? Пристаёшь, чёрт побери!

Наставник Линь без лишних слов поволок Вэй Ле за собой:

— Раз уж вернулся — пойдём тренироваться.

Вэй Ле: ...

Ых.

Войско — не войско, а сплошное мучение!

Гу Тин вернул роскошную благоухающую колесницу и прочие вещи в резиденцию. Вдовствующая великая княгиня ещё не очнулась, осада снята, поэтому он не стал задерживаться. Под полным сожаления взглядом сестры Хо Юэ и рыдающими вслед слёзками

братца Хо Цзе он покинул княжеские покои.

Вернувшись в свой дворик, он призвал к ответу круглолицего Мэн Чжэня:

— Ты ко мне пришёл, но брату-то толком сказал?

Мэн Чжэнь уселся чинно:

— Я ему записку оставил.

— Только записку? — Гу Тин с подозрением на него посмотрел. — Брат за тобой не примчался?

Мэн Чжэнь горделиво выпятил грудь:

— Мой брат — хороший брат, самый сильный на свете, он не прилипала! Он всегда мои решения поддерживает и не сердится! Не волнуйся, Тинтин!

Тинтин? Что за чушь?

Гу Тин не стал поправлять обращение, лишь нахмурился:

— Уверен? Точно по возвращении не получишь по мягкому месту?

Мэн Чжэнь поёрзал, улыбаясь:

— Ну... у нас в семье обычно по рукам бьют, а не по попе.

Гу Тин: ...

С этим беспечным дружком ничего не поделаешь. Гу Тин посмотрел на него серьёзно:

— Я не в обиде. Ты пришёл ко мне, и я рад. Ты из заботы пришёл, но, Мэн Чжэнь, я тоже о тебе забочусь. Я знаю, что делаю и как лучше поступить, но я не так могуч, как твой брат. Если ты здесь, я, возможно, не смогу тебя уберечь.

Мэн Чжэнь махнул рукой:

— Не надо! Я сам о себе позабочусь!

Гу Тин тяжело вздохнул, потирая лоб:

— Вообще-то, я тогда ошибся. Если с тобой что случится, я не столько боюсь, что твой брат меня убьёт, сколько того, что, может, сам от горя помру. Сердце не выдержит, даже если никто не тронет.

Мэн Чжэнь слегка струхнул:

— Нет-нет, я не хотел тебя обременять...

Гу Тин взял его за руку и снова посмотрел прямо в глаза:

— Я просто хочу, чтобы ты знал: ты важен. Всегда помни, что нужно себя беречь, без нужды не рискуй. Твоя безопасность важна не только твоему брату, но и мне, понял?

Мэн Чжэнь замер на мгновение, а потом глазки его намочились:

— Угу... Ты хороший, ты на свете самый-самый лучший, после брата.

Гу Тин похлопал друга по башке:

— Естественно.

Мэн Чжэнь облизнулся, круглые глазёнки загорелись:

— А супчик мне сварить?

Гу Тин:

— Что?

Мэн Чжэнь:

— Твой супчик! Самый вкусный! Там лекарства, а запаха почти нет, ароматный такой, выпьешь — и тепло сразу, и спишь не просыпаясь! всю дорогу я думал: как же я теперь без этого супчика, без Тинтина жить буду?

Гу Тин: ...

Так этот несносный ребёнок из-за супа вернулся? Его брат в курсе, что проиграл тарелке похлёбки?

Гу Тин пристально посмотрел на приятеля. Миловидное личико с детской пухлостью, чистые, как ночное небо, глаза, улыбка, от которой, кажется, светлеет вокруг...

И сладкоречивый такой.

Что ж, сам такого друга завёл — остаётся только баловать.

— Жди.

Мэн Чжэнь уселся ещё прямее, личико стало серьёзным:

— Ага!

На стене было и тяжело, и страшно, а когда всё кончилось, оказалось, что делать нечего, только в голове сумбур. Как раз сварю суп — медленно, спокойно, мысли разложу по полочкам. Гу Тин завязал фартук, отобрал продукты, вымыл, нарезал ломтиками, кубиками, сложил в глиняный горшок в нужной очередности...

Через пару часов суп был готов. Накормив себя и маленького обжору, Гу Тин ещё и заставил Мэн Чжэня написать письмо Мэн Цэ. Спросить у того братца, как дальше быть, не против ли он, что Мэн Чжэнь здесь, и когда заберёт. Заставил Мэн Чжэня дать кучу обещаний вести себя смиренно и не буянить, и только тогда отпустил уставшего сорванца мыться и спать.

...

С возвращением Вэй Ле с подкреплением кризис в Цзююане миновал. Помочь в последующих делах Гу Тин не мог, он успокоился, но всё же чувствовал — что-то не так. Хо Янь мудр и прозорлив, видит общую картину, предугадывает действия врага, победа для него — дело обычное. Но слишком уж гладко всё вышло... Отчего-то не по себе.

Гу Тин вздохнул — видно, судьба у него такая, всё волноваться, прямо как тот самый Цин Сунь, вечный паникёр. Тишины ему не познать. Но в такие особые времена осторожности много не бывает. Проверить всё — и хорошо, если ничего. А если проблема есть... тем более нужно решить!

Подумал-подумал и, дождавшись, когда никого не будет, тихо отыскал наставника Линя и спросил:

— Я знаю, в резиденции под стражей держат Четвёртую госпожу Гань. Можно мне с ней поговорить?

Он видел, что и Хо Янь, и вдовствующая великая княгиня этого человека ценили, спросить у наставника было верно.

Как и ожидалось, наставник Линь не удивился, лишь слегка кивнул:

— Князь изволил сказать, что в резиденции вам всё дозволено.

Гу Тин: ...

Так вот как? А он столько причин заранее придумал, и все не нужны!

— За мной. — Наставник Линь развернулся.

Гу Тин последовал за ним через дворы резиденции, мимо больших и малых тренировочных площадок, слыша чьи-то вопли. Похоже, плакал ребёнок Хо Цзе, а выл, словно волк... Вэй Ле?

Неизвестно сколько они шли, пока не достигли некоего помещения. Вошли в зал, привели в действие механизм — и открылся длинный-длинный проход, ведущий вниз.

<http://bllate.org/book/16279/1466208>